

Г Л А В А П Е Р В А Я

Когда я родилась, имени для мне подобных еще не существовало. Меня называли нимфой, полагая, что я стану такой же, как моя мать, тетки и бесчисленные двоюродные сестрицы. Наименьшие из меньших богинь, мы обладали весьма скромными способностями, для бессмертия едва достаточными. Мы говорили с рыбами и выращивали цветы, извлекали влагу из облаков и соль из морской воды. Этим словом — “нимфа” — наше будущее измерялось вдоль и поперек. На здешнем языке так называют не только богинь, но и невест.

Моя мать была нимфой, точнее наядой, хранительницей ручьев и источников. Мой отец заметил ее, когда гостил во дворце Океана — ее отца. В те дни Гелиос и Океан часто друг у друга пировали. Двоюродные братья и к тому же ровесники, они вовсе не казались таковыми. Мой отец светился как бронза, только снятая с наковальни, а у Океана от рождения росла белая борода по колена и слезились глаза. Но они оба были титанами и предпочитали общаться друг с другом, а не с богами Олимпа — птенцами, не видевшими сотворения мира.

Дворец Океана — диво дивное — помещался в недрах земли. Залы с высокими сводчатыми потолками украшала

позолота, каменные полы сгладились за сотни лет под ступнями богов. По комнатам разливалось тихое журчание реки Океана, питавшей все пресные воды мира, — такой темной, что нельзя было понять, где заканчивается она и начинается каменистое дно. На берегах реки росла трава и нежные бледные цветы, а еще бесчисленные дети Океана — наяды, нимфы и речные боги. Гибкие, гладкие, как выдры, они, смеясь, передавали из рук в руки золотые кубки, боролись, играя в любовные игры, и лица их сияли в сумеречном свете. Там же, затмевая все это лилейное великолепие, сидела и моя мать.

Волосы ее были теплого каштанового цвета, и каждая сияющая прядь казалась подсвеченной изнутри. Она, наверное, почувствовала взгляд моего отца — жаркий, будто вспыхнувший костер. Вижу, как мать расправляет платье, чтобы оно безукоризненно ниспадало с плеч. Вижу, как она обмакивает в воду сверкающие пальцы. Я видела тысячу раз, как она продельывает тысячу подобных штучек. И мой отец всегда попадался на эту удочку. Он считал, в мире все устроено затем, чтобы ему угодить.

— Кто это? — спросил отец.

У Океана уже много было златоглазых внуков, рожденных от Гелиоса, и дед с радостью думал о новых.

— Моя дочь Персеида. Станет твоей, если хочешь.

На следующий день отец отыскал мать в верхнем мире, у заводи рядом с ее родником. Это был прелестный уголок, заросший крупноголовыми нарциссами, увитый дубовыми ветвями. Ни ила, ни ослизлых лягушек, только чистые округлые камни, а между ними трава. Даже мой отец, безразличный к тонкостям мастерства нимф, восхитился.

Мать знала, что он придет. Она была хрупка, но коварна, ум ее — подобен шипозубой мурене. Мать понимала, как, будучи в ее положении, достичь могущества, — не кувыркаясь на берегу реки да рожая внебрачных детей. И когда отец пред-

стал перед ней, облаченный в свое сияние, мать над ним посмеялась. *Лечь с тобой? С какой стати?*

Конечно, мой отец и сам мог взять желаемое. Но Гелиосу нравилось думать, что всякая жаждет лечь с ним в постель — хоть рабыня, хоть богиня. На алтарях его дымились доказательства — приношения от женщин на сносях и незаконно-рожденных счастливиц.

— Женись, — сказала мать отцу. — И никак иначе. А если женишься, то знай: вне дома можешь развлекаться с девчонками сколько хочешь, но домой никого не води, в твоём дворце я одна стану хозяйкой.

Условия, ограничения... Для отца это было ново, а новые боги любят больше всего на свете.

— Выгодная сделка, — сказал отец и, дабы скрепить ее, подарил матери ожерелье, которое сделал сам, с бусинами из редчайшего янтаря.

Позже, когда родилась я, он подарил ей вторую нитку, и еще по одной за двух моих братьев и сестру. Не знаю, что мать ценила выше — сами светящиеся бусы или зависть сестриц, на них глядевших. Она, наверное, так и собирала бы их целую вечность и под конец ходила бы уже как вол с ярмом на шее, но верховные боги ее остановили. К тому времени они поняли, кто такие мы четверо. Можешь родить еще детей, сказали они матери, только не от него. Но другие мужья янтарных бус не дарили. Она плакала тогда — в первый и последний раз на моей памяти.

Когда я родилась, одна тетка (не стану называть ее имени, потому что в этой истории теток полно) омыла и спеленала меня. Другая занялась матерью — вновь окрасила ей красным губы, расчесала волосы гребнями из слоновой кости. А третья пошла к двери — впустить отца.

— Девочка, — сообщила ему мать, сморщив нос.

Но мой отец против своих дочерей — мягких и золотистых, как первая выжимка из оливок, — ничего не имел. Люди и боги дорого платили за счастье завести с ними потомство, и потому отцовская сокровищница, как говорили, была не хуже, чем у самого царя богов. Положив мне на голову руку в знак благословения, отец сказал:

— Она найдет себе достойного мужа.

— Насколько достойного? — осведомилась мать.

Она, наверное, утешилась бы, если б меня можно было обменять на что-нибудь получше.

Размышляя, отец перебирал пушок на моей голове, изучал мои глаза и скулы.

— Царевича, пожалуй.

— Царевича? — переспросила мать. — Ты ведь не хочешь сказать, смертного?

На лице ее читалось отвращение. Однажды в детстве я спросила, каковы смертные с виду.

— Можно сказать, сложением они схожи с нами, но лишь в той мере, в какой червь схож с китом, — ответил отец.

Мать выразилась проще: *гнилая плоть в грубой оболочке*.

— Разумеется, она выйдет замуж за сына Зевса, — настаивала мать.

Она уже воображала, как пирует на Олимпе, сидя по правую руку от царицы Геры.

— Нет. Волосы у нее пестрые, как рысий мех. И этот подбородок... Островат, совсем не радует глаз.

Мать спорить с отцом не стала. Как вспылчив Гелиос, когда ему перечат, она знала не хуже других. *Помни: под золотым его сиянием скрывается огонь*.

Мать поднялась. Живот ее исчез, утянулась талия, лицо посвежело, стало девственно-румяным. Все наше племя оправлялось быстро, а мать и того быстрее, она ведь была из дочерей Океана, метавших детей, как икру.

— Идем, — сказала мать. — Сделаем кого-нибудь получше.

Я росла быстро. Младенчество мое продлилось несколько часов, и тут же я выучилась ходить. Тетка осталась со мной в надежде заслужить расположение матери и назвала меня Цирцеей — Ястребом — за желтые глаза и странный пронзительный плач. Но, увидев, что труд ее мать замечает не более, чем землю под ногами, тетка исчезла.

— Мама, — сказала я. — Тетя ушла.

Мать не ответила. Отец уже отправился на небо в своей колеснице, а она вплетала в волосы цветы, собираясь уйти из дворца тайными водными путями и встретиться с сестрами на заросших травой речных берегах. Я могла бы пойти с ней, но тогда пришлось бы весь день сидеть у ног теток и слушать, как они болтают о вещах, мне непонятных и неинтересных. И я осталась.

Тишина и мрак воцарились в залах. Дворец отца, спрятанный в недрах земли, соседствовал с дворцом Океана, и стены в нем были из полированного обсидиана. А почему нет? Они могли стать какими угодно, отцу стоило только пожелать, — кроваво-красными, из египетского мрамора, или янтарными, из аравийской смолы. Но отцу нравилось, как обсидиан отражает его свет, как вспыхивает гладкая поверхность стен, когда он проходит мимо. О том, как черны они, когда его нет, отец, конечно, не думал. Он вообще не способен был вообразить мир без себя.

В такие часы я могла делать что хотела. Бегать с зажженным факелом и глядеть на несущиеся за мной языки багрового пламени. Лежать на гладком земляном полу и проковыривать в нем пальцем дырочки. Ни червей, ни личинок я там не находила, да и не думала найти. Во дворце, кроме нас, ничего живого не было.

Когда поздно вечером отец возвращался, земля колыхалась, как лошадиный бок, и дырочки, что я успевала проковырять, заглаживались. Через минуту возвращалась и мать,

от нее пахло цветами. Она бросалась ему навстречу, повисала у него на шее — отец не сопротивлялся, принимал кубок с вином из ее рук, а затем направлялся к серебряному трону. Я шла за ним по пятам. *С возвращением, отец, с возвращением.*

Потягивая вино, отец играл в шашки. С ним играть никому не дозволялось. Он передвигал каменную шашку, разворачивал доску, передвигал другую.

— Не желаешь ли возлечь, любовь моя? — Голос матери сочился медом.

Она крутилась перед ним, как жаркое на вертеле, прельщая своими роскошными формами. Тут отец обычно оставлял игру, но не всегда, и такие вечера я любила особенно, потому что мать уходила, хлопнув дверью.

У ног отца мир казался золотым. Свет излучало все разом — его золотистая кожа, лучистые глаза, волосы с бронзовым отливом. Тело отца пылало как жаровня, и я придвигалась к нему, насколько он позволял, — так ящерица в полдень жметя к камню. Тетка говорила, что иным младшим богам и смотреть на него почти невыносимо, но я, его дочь, родная кровь, могла всматриваться в лицо отца так долго, что и когда отводила взгляд, оно все еще стояло перед глазами, сияло на полу, на глянцевых стенах и инкрустированных столах и даже на моей коже.

— Что будет, — спросила я, — если смертный увидит тебя во всем блеске?

— Он тут же превратится в пепел.

— А если смертный увидит меня?

Отец улыбнулся. Я слушала, как передвигаются шашки, как привычно скрежещет о дерево мрамор.

— Этот смертный сочтет, что ему повезло.

— Я его не испепелю?

— Нет, конечно.

— Но глаза у меня как у тебя.

— Нет, — возразил отец. — Смотри.

Он бросил взгляд на полено, стоявшее у камина. Оно загорелось, вспыхнуло, а потом осыпалось пеплом на пол.

— И это лишь меньшее, на что я способен. Можешь так?

Всю ночь я не сводила с поленьев глаз. Нет, я так не могла.

Родилась моя сестра, а вскоре и брат. Через какое время, точно не могу сказать. Дни богов — что низвергающийся водопад, смертные умеют их считать, но этой хитрости я тогда еще не знала. Казалось бы, кому, как не отцу, обучить нас — ему ведь каждый рассвет был известен. Но даже он называл брата и сестру близнецами. Они и в самом деле сблизились, едва брат родился, сплелись как зверьки. Отец благословил обоих одной рукой.

— Ты, — сказал он моей светящейся сестре Пасифае, — выйдешь замуж за вечного сына Зевса.

Эти слова отец произнес пророческим тоном, каким всегда говорил о том, что несомненно произойдет. Мать просияла — она уже воображала, как будет наряжаться на Зевсовы пиры.

— А ты... — сказал отец брату — обычным голосом, звонким и чистым, словно летнее утро. — Всякий сын отражается на матери.

Мать обрадовалась и восприняла эти слова как разрешение дать сыну имя. Она назвала его Персом — в свою честь.

Эти двое были умны и сразу поняли, что к чему. Любили насмехаться надо мной, прикрываясь горностаевыми лапками. *Глаза у нее желтые, как моча. А голос скрипучий, как у совы. Зовут ее Ястребом, а следовало бы Козой — уж больно уродлива.*

Таковы были их первые колкости — поначалу туповатые, день ото дня они становились острее. Я научилась избегать сестры и брата, и те вскоре нашли забаву поинтересней —

среди маленьких наяд и речных богов из дворца Океана. Когда мать шла в гости к теткам, Перс и Пасифая следовали за ней и принимались командовать нашими покладистыми двоюродными братишками и сестренками, а те цепенели перед ними, как мальки перед щучьей пастью. Издевательских игр Перс с Пасифаей придумали множество. Поди сюда, Мелия, уговаривали они. На Олимпе модно теперь обстригать волосы до затылка. Не дашь нам этого сделать — как заполучишь мужа? После стрижки Мелия, ставшая похожей на ежа, ревела, а брат с сестрой хохотали так, что эхо гуляло по пещерам.

Пусть делают что хотят, думала я. Сама же предпочитала тихие залы нашего дворца и сидела у отцовских ног, когда только могла. И вот однажды, отправляясь проведать свое стадо священных коров, он — в награду, видимо, — позвал и меня. Это была великая честь, ведь мне предстояло прокатиться на его золотой колеснице и увидеть предмет зависти всех богов — пятьдесят белоснежных телиц, каждый день услаждавших взгляд отца, пока он совершал свой путь над землей. Перегнувшись через боковину колесницы, украшенную драгоценными камнями, я дивилась на проносившуюся под нами землю — обильную зелень лесов, зубчатые горы и широко раскинувшуюся синь океана. Я искала глазами смертных, но с такой высоты их было не разглядеть.

Стадо паслось на лугах острова Тринакрия, и присматривали за ним две мои единокровные сестры. Едва завидев нас, они с радостными возгласами бросились к отцу, повисли у него на шее. Все дети Гелиоса рождались красивыми, но сестры, чья кожа и волосы словно состояли из жидкого золота, были в числе прекраснейших. Их звали Лампетия и Фэтуса. *Сияющая и Светящаяся.*

— А кого это ты с собой привез?

— Она, должно быть, дочь Персеиды. Смотри, какие глаза у нее.